

Н. Дурова

Угол

Русская светская повесть первой половины XIX века

М., "Советская Россия", 1990

[OCR Бычков М. Н.](#)

В ясный солнечный день первого мая тьма карет, колясок, ландо и кабриолетов быстро катилась к месту гулянья. Стекла опущены; в окнах экипажей видны прелестные лица дам, миловидных детей и то там, то сям важные физиономии военачальников, градоначальников и всех других *начальников*. Пешеходы идут густою толпою по тротуарам, толпятся и теснятся близ качелей, балаганов, подходят к экипажам, рассматривают красоту их, красоту упряжи, красоту лошадей; есть из них и такие, которые мыслят возвышеннее и смотрят только на красоту сидящих в экипажах.

Но вот мчится карета прекрасная и дорогая; все так отлично: лошади картинные, упряжь блестящая, кучер красавец, форейтор, как Купидон! Что же после этого должно быть внутри кареты? Уж, верно что-нибудь такое, для чего не подобрать ни сравнений, ни выражений.

Карета въехала в ряд; началось важное, плавное, церемонное гулянье, развлекаемое разного рода представлениями на площади. К окну прекрасной кареты то и дело подлетали на бодрых конях ловкие, а иногда и лихие наездники с белыми перьями на шляпах; иногда подходил какой-нибудь пешеход в сюртуке, по сукну и покрою которого можно было узнать или, по крайности, заключить, сколько тысяч годового дохода укладывается в его карманы.

И кавалерия и инфантерия раскланивались очень учтиво с сидящими в карете, но легкая, чуть приметная усмешка, которою сопровождался поклон их, была как-то неуместна, судя по блистательной наружности экипажа тех особ, к которым относилась. Кто не видал бы кареты, а видел только поклон и усмешку, тот подумал бы, что особы, принимающие подобные знаки вежливости, едут на наемных дрожках. После этого простительно уже заглянуть в окно кареты и вместе послушать, что говорят эти шалуны, которые с полчаса уже как заставляют делать то курбеты, то лансады своих английских кобылиц, почти вплоть у окна красивого экипажа.

-- Ecoutez George! {Послушайте, Жорж! (*фр.*).} Отъедем немного подальше.

-- Зачем?

-- Как зачем? Неужли же нам тут оставаться до конца гулянья?

-- Почему ж нет? Разве не все равно, где ехать? И разве можно иметь лучшее место, как теперь наше?

-- О, уж очень можно; у всякого свой вкус, посмотри на четвертую карету впереди нас, видишь ли, какой блестящий рой окружает ее; а кажется, внутри ее...

-- Несметное богатство!-- отозвался молодой гусар князь С***, и, дав шпоры арабскому жеребцу своему, вмиг присоединился к толпе кавалеристов, красующихся близ кареты с *несметным богатством*.

-- Видишь, Жорж! отъедем же и мы; пожалуйста, отъедем, хоть для того, чтоб я мог говорить с тобою не вполголоса. Я хочу рассказать тебе кое-что о твоей очаровательной *Уголино*.

-- Стыдно тебе, Адольф!

-- Pardon! Mille pardone, mon ami! {Тысяча извинений, мой друг! (*фр.*).} Но, право, я предпочитаю назвать ее Уголинно, хоть это тебя и сердит, нежели истерзать слух и выломить язык, выговаривая: "Фетинья Федотовна".

-- Что правда -- то правда, Жорж; имя твоего кумира приводит в замешательство всякого порядочного человека; его нельзя выговорить, не покраснев до ушей и не сделавшись смешным самому себе.

-- А фамилия! Верно, Мефистофель думал целые три дня, пока подобрал такое гармоническое соединение имени с фамилией: "Фетинья Федотовна Федулова, дочь Федота Федуловича Федулова!" Дивная поэзия!

-- Однако ж это очень жаль, что такое миленькое существо так смешно называется.

Молодые люди, говоря это, отъехали довольно далеко от прекрасной и богатой кареты; один только Жорж не оставил своего места у окна ее, пока не завидел вдали великолепного ландо, едущего прямо к тому месту, где он был. Молодой человек заставил лошадь свою сделать два или три мастерских лансада, которые, дав ему возможность выказать ловкость свою и искусство, отдалили его на